

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Субетто А. И. Неклассическая социология: объективная необходимость концептуальной новизны // Современная социология: новые направления развития на пороге XXI века. — Женева-Москва-Барнаул, 1997.
2. Модели рефлексии. — Новосибирск, 1995.
3. Мысли о мыслях. Т. 1. Ч. 1. — Новосибирск, 1995.
4. Рефлексия, образование и интеллектуальные инновации. — Новосибирск, 1995.
5. Рефлексия в науке и обучении. — Новосибирск, 1989.
6. Петровский В. А. Психология неадаптивной активности. — М., 1994.
7. Ладенко И. С. Интеллектуальные системы и логика. — Новосибирск, 1973.
8. Ладенко И. С. Имитационная система. — Новосибирск, 1981.
9. Ладенко И. С., Семенов И. Н., Степанов Ю. С. Философские и психологические исследования рефлексии. — Новосибирск, 1989.
10. Алексеев Н. Г., Зарицкий В. И., Ладенко И. С., Семенов И. Н. Методология рефлексии концептуальных схем деятельности поиска и принятия решений. — Новосибирск, 1987.
11. Мамардашвили М. К. Мысль под запретом // Вопросы философии. 1992. №4.

Дж. С. Александер

НОВОЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В СОЦИОЛОГИИ: ОДНА ИЗ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ*

Мы вступаем в новый исторический период. Появились новые политические формации. Послевоенные коалиции разрушаются, формируются новые союзы. Популярные движения и давно установившиеся партии теряют поддержку. Движения и группы, считавшиеся маргинальными, приобретают центральные позиции. Жесткие, контрастные проявления холодной войны, если не исчезают, то начинают расплываться (1).

Интеллектуальное развитие не является зеркальным отражением социальных обстоятельств, но оно влияет на них.

С начала 1980-х гг. социология также вошла в новую историческую фазу. Возникло, в частности, некое новое теоретическое направление, которое пронизывает практически каждый подход, социологическую кон-

* © Дж. С. Александер, 1998. Перевод текста Т. В. Дорофеевой.

цепцию (2). Именно с точки зрения этого нового теоретического направления следует понимать разнообразие и общность публикуемых сегодня материалов по социологии.

В период, последовавший за реконструкцией западного общества сразу после второй мировой войны, Т. Парсонс и его структурно-функциональная теория играли главную роль. Хотя этот подход был совсем не так популярен в Европе, как в Америке, он, конечно, представлял собой новейшую «грань» социологической теории в профессиональном, дисциплинарном смысле. Начиная с середины 60-х гг., теория Парсонса, несмотря на то, что с интернационалистской точки зрения она только лишь достигла вершины, широко распространилась, но начала терять свою значимость.

Конечно, существовали политические, социальные, генерационные причины, объясняющие это направление. Для каждой теоретической школы существуют периоды подъема и упадка. В истории социальной мысли гегемония всегда существовала в ограниченном виде. Мир к началу 1970-х гг. начинал испытывать новые острые политические конфликты. Новое поколение студентов и интеллигенции выходило из-под влияния прошлого.

Существовали, однако, и важные теоретические причины отступления социологии от функционализма. Эти теоретические причины сделали отход от теологии Парсонса не только интеллектуально обоснованным, но в некоторых важных аспектах прогрессивным в научном смысле. Усилия Парсонса были направлены на прекращение «войны между школами» социальной науки. Он предложил заменить старые, противоречивые направления действия и порядки новым синтезом, в котором каждый из старых аспектов был бы включен в более широкие и концептуально целостные рамки.

Проблема была, однако, в том, что усилия Парсонса по объединению различных социологических течений не были выполнены в достаточно фундаментальном виде. В экзистенциальном смысле можно сказать, что он действовал недостаточно добросовестно. Решения, которые он предложил, хотя и были яркими, неординарными, но все же были явно небезупречны. Внутренне неопределенные, они вызвали предположения, что тот или иной элемент предлагаемого синтеза должен иметь преимущество перед другими.

Это, фактически, один способ интерпретации разнообразных вызовов теории Парсонса, которая появилась в 1960-х гг. (3). Индивидуалистические теории типа символического интеракционизма, теории обмена и этнометодологии требовали большого внимания к микропроцессам, большей для них автономии. Коллективистские подходы типа теории конфликтов и неомарксизма утверждали, что большее значение следует придавать макроэлементам типа экономических систем, государств и со-

циальных классов. Инструментальные теории требовали признания рационального элемента в действии. Культурологические теории желали более независимого акцента на символический и экспрессивный элемент.

Эти новые направления значительно углубили наше понимание как индивидуального действия, так и социального порядка. Они выявили важные недостатки первоначальной Парсонсовской формулировки, изменяя и перерабатывая более ранние классические идеи. Интересно, что проблема возникновения пост-Парсонсовских теорий лежит именно здесь. Противники Парсонса успешно критиковали его теории, но были недостаточно сведущи, чтобы выдвинуть собственные альтернативы. Их односторонние подходы вызывают бурную полемику, но не могут служить основными теориями. В этом смысле пост-Парсонсовские идеи также представляют собой регрессивное направление.

К началу 1980-х гг. эти когда-то незрелые критики функционализма добились успеха в своих нападках. Однако, как только они превратились в признанные доминирующие направления, их влияние стало угасать. Появилось третье крупное послевоенное теоретическое направление, основанное на новой попытке теоретического синтеза. Для такого сдвига, конечно, можно найти важные социальные и культурные предпосылки. Поляризация, поглотившая западные общества 1960-х и начала 1970-х гг., рассеялась так же, как влияние тысячелетних надежд на радикальные альтернативы либеральным демократическим обществам. Однако здесь были также замешаны в своем роде важные теоретические вопросы. Более молодые исследователи разглядели односторонний характер антипарсонсовских направлений и их интеллектуальную ограниченность.

В течение последнего десятилетия теория синтеза различных социологических школ была реабилитирована. Исследователи вернулись к «проблемам Парсонса», хотя и не принимают его решений. В отличие от прежнего поколения очень мало современных исследователей ставят своей целью совмещение культурного и структурологического факторов или предлагают снова интегрировать микро- и макрофакторы. Ведущие западные социологи просто закрепили свое право на это. В то время, как ранние работы Энтони Гидденса воодушевляет неомарксистская теория конфликта, в последнем десятилетии его теория «структурирования» стремится преодолеть значительное разделение пост-Парсонсовского периода.

Ранние работы Р. Коллинза также основывались на традициях конфликтологии. В своем настоящем виде, наоборот, этот социолог сочетает подходы Дюркгейма и различные микронаправления. В ранних работах Хабермас довольствовался разработкой критической неомарксистской теории. Теперь он развивает «коммуникативную» теорию, которая является откровенно более синтетической, более ориентированной на различные сферы культуры и взаимодействия. Несмотря на их значительные отличия по целому ряду вопросов, сходные акценты объединяют работы Лумана и

Бурдые. Оба они попытались разработать схему, которая интегрировала бы деятельность и структуру, материальное и идеальное.

Моя собственная деятельность является частью этой третьей фазы послевоенной социологической теории. Существует одно важное направление этого развития (его можно наиболее четко проследить в работах Лумана и Хабермаса), которое снова ввело в действие не только проблему Парсонса, но и содержание его теоретической работы. Мое собственное теоретическое направление также возникает из сочувственной, но критической интерпретации теории Парсонса, какую я использую в качестве основной платформы, на которой следует восстанавливать социологическую теорию, понимаемую более широко. Я назвал это восстановление «неофункционализмом», но оно, конечно, имеет столько же общего с моими «соперниками» в новом теоретическом направлении, как и с самим ортодоксальным функционализмом (4).

Моей целью было воссоздать новый теоретический синтез, в котором действия и порядок, культура и социальная структура могут быть взаимосвязаны неявными, но систематически воспроизводимыми способами. У моего проекта три стороны (7): одна — общая теоретическая, другая — идеологическая, нормативная и третья — эмпирическая. Первая развивалась не только в рамках эволюции того, что я назвал «многосторонними предположениями» (5), которое включает базовое понимание действия и порядка, но также в рамках построения моделей, которые обозначают это понимание с точки зрения других конкретных социальных и культурных систем (6; 7) и в рамках разработки новых, более подходящих концепций.

Стремясь точно определить идеологическую сторону социальной теории и сделать свои собственные нормативные обязательства очевидными (7), я намеренно отделил свою работу от традиционной эмпирической, «лишенной ценности» социологии. Кроме того, в то время как моя работа в основном касается скорее абстрактных вопросов, чем специфических описательных или объяснительных разъяснений, в течение последнего десятилетия я старался развивать и применять возникающие направления к ряду достаточно разных эмпирических областей (1-7).

Что касается опубликованных работ, сегодняшних проектов, цикл которых начался лет двенадцать назад, то они получили обобщение недавно в очерке «Формальный и независимый волонтаризм в работах Талкотта Парсонса: теоретическое и идеологическое переосмысление». Впоследствии мне стало ясно, что этот очерк следует рассматривать как документ, который показывает теоретические возможности будущего, интерпретируя теоретические достижения прошлого. Теоретически я восстанавливаю то, что считаю наиболее ценным, синтетическую сторону трудов Парсонса, показывая как Парсонс разрабатывал разные модели для сочетания культурного и структурного элементов, индивидуальной и коллек-

тивной сил. Разделяя формальный и независимый подходы, я также освещаю независимую природу идеологических положений, предполагая, что Парсонс подспудно стремился к социальному пониманию свободы, что усиливало важность освоения плюрализованных, дифференцированных областей.

В отличие от Лумана, интерпретирующий акцент здесь делается на ценности, социализацию и институциональные взаимоотношения, а не логику систем (8). В отличие от Хабермаса, защищается утверждение о том, что демонстрация того, как системы и живой мир взаимопроникаемы, лежит в самом центре трудов Парсонса (10). Несмотря на то, что этот очерк заканчивается обсуждением противоречивых сторон в теории Парсонса, он не останавливается на идеализирующих тенденциях, которые часто приводили к чрезмерному акценту на культурном аспекте или на системном фокусе, который недооценивал роль непрерывного, индивидуального усилия. Более того, он настаивал на том, что использование односторонней теории не приводит ученого к пониманию того, что свобода или господство в действительности достигаются в особом эмпирическом обществе. Этот очерк игнорирует и тот факт, что это и была именно та проблема, которая исказила большую часть поздних эмпирических трудов Парсонса (5). Это именно те проблемы, которые развиваются в других трудах, которые возвращаются сегодня к классикам (6).

В своей работе «Диалектика индивидуации и доминирования: теория рационализации Макса Вебера» я особо подчеркиваю, что социальное конструирование своей автономности также является процессом, который занимает центральное место в исторической и сравнительной социологии Вебера. Вебер критически относится к предположениям экзистенциализма, несмотря на то что его долгое время игнорировавшийся анализ «полетов за пределы мира» пересекается с модернистской философией удивительным образом. Однако из антологии Вебера мы узнаем, что индивидуация — это вовсе не простой, процесс, как утверждают эволюционисты вроде Лумана и Парсонса. Напротив, этот процесс изначально связан с грозными формами объективации, которые создают основу не только для параллельного роста господства материального, но также для усиливающейся боязни автономии, что стимулирует регрессивное движение. В то время как я утверждаю, опираясь на плюралистические и многосторонние теории, можно описать социальные реквизиты более доброкачественно.

В работе «Дюркгейм и теория дифференциации сегодня» дискутируется вопрос: должна ли измениться теория социальной дифференциации, чтобы можно было объяснить и возможности, и опасности современности? Несмотря на многообещающую многосторонность функционалистского подхода к дифференциации и высокую релевантность дифференциации как модели современных социальных изменений, теория диффе-

ренциации никогда не сталкивалась с критическими отклонениями модернизации. Я утверждаю, что в работах Парсонса дифференциация остается большей частью абстрактной схемой, которая, задавая модель долговременных изменений, одновременно мало что вносит в наше понимание групповых процессов, с помощью которых происходит изменение или возникают специфические проблемы.

Более того, несмотря на то, что в работах Дюркгейма есть пункты, где он все же обращается к действительным процессам изменений и к их противоречивому характеру, это никак не совмещается с его схематичной моделью дифференциации как таковой. Вебер предлагает как схему, так и процесс, но он не разрабатывает четкого понятия исторических фаз и характерных типов. Маркс же предлагает теорию полного изменения, но по эмпирическим и, возможно даже, моральным причинам, эта теория стала значительно менее релевантна для современного мира (9). Проблема, опять же, в том, чтобы объяснить как опасности, так и возможности социальных изменений без упомянутых выше многосторонней и демократической модели, предлагаемой теорией дифференциации.

В работе «Действие и его среда» я возвращаюсь к более общим теоретическим рассуждениям. Моей целью здесь является переосмыслить попытки Парсонса синтезировать структуру и значение, действие и порядок в свете теоретического развития пост-Парсоновского периода. Я утверждаю, что путь к случайности, предложенный Парсоновскими микросоциологами, представляет собой значимый вклад. В то же время я не приемлю их одностороннего понимания действия. Эти конкурирующие направления представляли свои теории действия как эмпирические типы. Я утверждаю, напротив, что каждый из этих типов можно понимать как аналитический компонент действия как такового. Случайное действие, с моей точки зрения, является одновременно стратегическим и интерпретативным, а последнее включает как типичную, так и инновационную деятельность.

Это аналитическое решение проблемы действия-стратегии, которую Парсонс так хорошо сформулировал, несмотря на то, что не воспользовался ею на практике, можно также применить и к проблеме порядка. Случайное действие, утверждаю я, не может быть приравнено к поведению индивидов в эмпирическом смысле. Случайное действие следует скорее, понимать как возникающее в коллективно-структурированных контекстах окружений социальных объектов.

Поскольку два из них, психологическое и культурное, составляют внутренние окружения, они редко ощущаются деятелем (что остается за пределами понимания многих исследователей) как коллективное принуждение. Однако фактически эти окружения формируют именно то, что делает действие случайным, поскольку только третье, внешнее окружение — социальная система — оказывается с внешней стороны деятеля. Именно

эта система, а не культурное или психологическое окружение, стала типичным объектом для объяснения со стороны социальной науки.

Я же утверждаю, что поскольку случайное действие значимо, более сложное понимание сущности и ее сторон с точки зрения их значимости становится необходимым. Пользуясь знаниями различных экстра-социологических дисциплин, я разработал новую модель структуры и динамики культурных систем, которая выходит далеко за рамки того, что я считаю социальным редукционизмом, который так часто соединялся с теорией функционализма. С моей точки зрения, культура должна стать новым центральным пунктом социологической теории (9).

Если мой теоретический проект начинается с проблем, которые критически рассматривал Парсонс и далее исследует и инкорпорирует конкурирующие и экстрадисциплинарные направления, то мои рассуждения часто принимали форму, которую ни Парсонс, ни эти другие направления не приняли бы. Это — форма интерпретативной полемики. Когда я читал статьи, написанные по этой проблематике, говоря об эмпирических, идеологических и теоретических вопросах, к которым они обращены, я игнорировал особое средство, с помощью которых это обращение происходит. Это, конечно же, средство интерпретативной полемики о значении классической работы. С тех пор, как Мертон выделил различие исторического и социального, эмпирическая социальная наука выступает за строгое разделение систематического и исторического подходов в социологической теории. Пусть историки изучают и объясняют сущность события прошлого, классики, мы, социологи, будем изучать и объяснять сущность современного общества. Этот аргумент нигде не является более значимым, чем в американской социологии.

Авторы, публикуемые сегодня в США, придерживаются нередко прямо противоположного подхода. Они рассуждают о социальных изменениях, современности, власти и индивидуализации, объясняя значения трудов, написанных другими. Они не делают этого, изучая эмпирическое общество или хотя бы разрабатывая систематические теории, пользуясь исследованиями, проведенными другими. Я же здесь разрабатываю оправдание для такого смешения истории и систематики. Этот способ кажется непривычным для социальной науки, утверждаю я, только с нормативной точки зрения, которая рассматривает практику естественной науки в качестве нашей ближайшей цели. Для практики социальной науки как таковой это не является, однако, непривычным, поскольку здесь смешение является нормативным и типичным (10). Такая практика возникает потому, что социальная наука внутренне менее согласована, чем естественная. По этой причине социальная наука часто превращается скорее в форму дискуссионных дебатов, чем эмпирических объяснений.

Дискурс требует твердых стандартов, которые могли бы создать некий консенсус вне объектов непосредственной борьбы. Именно здесь в

ход идет классика. Труды становятся классическими благодаря всеобщему восхищению, которое они вызывают. Дискуссии о значении этих классических работ имеют, по крайней мере, какой-то шанс быть понятыми другими членами дисциплинарного сообщества. Успешный спор с классиком поэтому означает то же самое, что и спор о самой эмпирической действительности.

Это функциональная причина центрального места классики. Существуют также интеллектуальные причины. Социологическое понимание — это равномерно распределяемый дар. Его следует сохранять так же, как классические произведения искусства. Если нам суждено узнать, как мыслить так, чтобы охватить и структуру, и значение, и действие, и порядок, то нет лучшего способа это начать, чем переосмыслить достижения и недостатки наших классических трудов.

В заключение к этому краткому обзору интересующей меня сегодня проблематики я хотел бы процитировать известного современного итальянского мыслителя Норберто Боббло, который написал, что основным долгом интеллектуального человека является «посвятить себя освещению разумом расходящихся положений, представить к обсуждению претензии каждого и противостоять искушению окончательного синтеза». Эти обязательства следует взять на себя, — продолжает Боббло, — потому что долг интеллектуального человека — «возродить ... веру в дискуссию и восстановить как право на критику, так и уважение к мнению других». Несмотря на то, что мой собственный теоретический проект нацелен на новый синтез, я не стремлюсь создать новую окончательную и безусловную ортодоксальность.

Я считаю, что, только используя антагонистические направления, мы сможем найти *via media*, чтобы восстановить взаимное уважение, на котором должно основываться любое ответственное критическое мышление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. В своем роде — *sui generis*.
2. Для более подробного ознакомления с этим новым теоретическим направлением следует прочесть ряд моих последних трудов.
3. Это направление, которое я принимаю в споре с пост-Парсоновской социологической теорией в работе «Двадцать лекций: социологическая теория после второй мировой войны» (Александр, 1987).
4. Фактически, хотя моя собственная работа может стать символом неофункционализма в североамериканском контексте, существует много социологов моего поколения, которые работают в том же направлении. Для начала см. сборник под моей редакцией «Неофункционализм» (Александр, 1985). Как покажет разнообразие этих статей, неофунк-

- ционализм на этом этапе является, скорее, не новой теорией, а широким теоретическим направлением. (Для определения сущности и широты этого направления см. Александер и Коломи, 1989).
5. Эти проблемы подробно рассматриваются в работе «Современная реконструкция классической мысли: Талкотт Парсонс», 4-й том «Теоретическая логика в социологии» (Александер, 1982—83; особенно, с. 151—310).
 6. В последнее время Ричард Мунч также пытался воссоздать теоретический синтез, читая Вебера и Дюркгейма, а также последователей Парсонса. Поскольку моя критика Парсонса намного более фундаментальна, чем критика Мунча, моя конфронтация с классиками и современниками намного сильнее.
 7. Здесь я бы резко разграничил мои аргументы от аргументов Хабермаса, который утверждает, что именно мир как таковой разделен на инструментальную и нормативную сферы, а не только социальная теория. Я полагаю, напротив, что именно ложная дихотомия внутри социальной теории создает ложное впечатление, что мир резко разделен на инструментальную и моральную сферы и что более многосторонняя теория продемонстрирует действительное эмпирическое взаимопроникновение различных сфер. В своей работе по кризису Уотергейта в американском обществе, например (1986, 1988, 1988) я показал, как социальный кризис неизбежно вызывает глубокие моральные обязательства, которые составляют как консенсус, так и конфликт в любом политическом и экономическом обществе.
 8. Несмотря на вклад, который сделал Никлас Луман в наше понимание дифференциации, я не верю, что его теория решает эту проблему. Луман предложил схематическую модель, имеющую фантастический размах и элегантность формы, но он не показал, как реализуется эта модель исторически в конкретных процессах социального изменения. Не разработал он и модели исторического развития, которые раскрыли бы эмпирические специфические ограничения различных исторических периодов. Теорию изменений Лумана можно рассматривать с этой точки зрения, как отход назад к схематическим абстракциям ранних трудов Парсонса.
 9. Именно здесь находится одно из моих несогласий с теорией структуризации Гидденса. Несмотря на редкие обращения к роли личности и нормативных правил, диалектика деятеля и ситуация Гидденса сводятся не более чем к переплетению случайного социального действия и окружения социальной системы. В работах Гидденса автономия и сложность внутренней среды действия — как психологической и культурной — большей частью игнорируются, а с ними и возможности для критической независимости от социальной системы и опасности пассивной адаптации к ней.

10. Бурдые — еще один современный ученый, который не может концептуализовать внутреннее исторически нарастающее напряжение между социальной системой, с одной стороны, и культурными и психологическими системами, с другой. Культурные правила для него значат не больше, чем перевод взаимодействий социальной системы в сферу символов, с предсказуемым результатом.
11. Вслед за позитивистами или марксистами герменевтического направления, такими как Дилти или Гадамер, стало общепринятым, что интерпретация подразумевает иррациональность, суждение, отстаиваемое мыслителями, начиная от Деррида и Рортле до Хабермаса. Я нашел случай для потенциальной рациональности интерпретации полемики в работе «Общая теория в постпозитивизме: эпистемологическая дилемма и поиск причин» (Александр, в печати).

Ю. Растов

КОРРЕКТИРОВКА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА СОЦИОЛОГИИ КОНФЛИКТА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ СОЦИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ*

Происходящее ныне в России радикальное изменение механизмов общественного развития, передел собственности и власти стимулировали конфликтность всех слоев общества, а перестройка государственности на принципах демократического федерализма придала особое значение конфликтам, развивающимся на региональном уровне, а также между субъектами федерации и центром РФ. Поэтому многие современные российские социологи не видят задачи более злободневной и ответственной, чем исследование массовых конфликтов, разработка научно достоверных рекомендаций по управлению конфликтностью населения, снижению социальной напряженности, предотвращению возможностей превращения событий типа чеченских в полномасштабную гражданскую войну.

Решая эту задачу, они активно используют методологию конфликтологического направления социологии, в том числе и прежде всего, идеи общесоциологических теорий конфликта (Г. Спенсер, К. Маркс, Г. Зиммель, М. Вебер, В. Парето, Р. Дарендорф, Л. Коузер, Э. Гидденс) и консенсуса (О. Конт, Э. Дюркгейм, Ф. Теннис, Т. Парсонс, Н. Смелзер), а также специальных и частных конфликтологических концепций (Г. Блейлок, К. Бейли, К. Боулдинг, Р. Даль, Т. Дистефано, Р. Коллинз,

* © Ю. Растов, 1998.